

За пределами очевидного: Лейбниц, эмпиризм и анализ восприятия

При изучении философии всегда нужно иметь ввиду одну важную вещь – **проблему уровня мышления, зависимости от контекста**. Представьте, вы берете с полки философский труд известного автора, читаете его, разбираетесь в терминологии, складываете слова в предложения и улавливаете, как вам кажется, основную мысль. И в конце вы заключаете: «Я с ним не согласен».

Здесь и возникает главная проблема: с чем именно вы не согласны? Уверены ли вы, что поняли мысль автора в том виде, в каком он ее излагал? Очень часто тот предмет обсуждения, сам объект размышления философа, оказывается совершенно иным, чем мы себе представляем. Слова могут быть знакомыми, но тот объект, о котором идет речь, мы бессознательно пытаемся притянуть к своему собственному мышлению, к своим повседневным проблемам и здравому смыслу. А между тем, философское размышление может протекать на совершенно ином уровне.

Я постоянно сталкиваюсь с тем, как чье-то учение выдирается из контекста, и на основе этого фрагмента выносятся «компетентное» мнение. Но так это не работает. Цель наших лекций — показать вам именно **контекст**: уровни мышления и переходы между ними. И сегодня это особенно важно, потому что мы будем говорить о персонаже, чрезвычайно чувствительном к контексту. Когда я рассказываю о нем, я всегда сталкиваюсь с трудностями, ведь его примеры существуют только в определенном контексте, на определенном уровне, который нужно сперва понять и восстановить.

Последний человек, который всё знал: Готфрид Вильгельм Лейбниц

Человек, о котором пойдет речь, — это **Готфрид Вильгельм Лейбниц**. Его часто называют последним человеком, который знал всё — последним универсальным гением, разбирающимся во всех областях научного знания своего времени. После него объем знаний в различных науках стал настолько огромен, что один человек уже не мог вместить его в себя. В научной публицистике даже встречается термин «предел Лейбница» — точка, после которой такой всеобъемлющий субъект познания стал невозможен.

Несмотря на то, что **Лейбниц** писал труды во всех областях науки с поистине маниакальной производительностью, его имя прочно закрепилось в истории благодаря двум сферам: философии и математике. Именно он, наряду с Ньютоном, является одним из создателей дифференциального и интегрального исчисления, что навсегда изменило науку. Сегодня же мы сосредоточимся на его философском наследии, которое не менее революционно.

«Экстремальный режим» мышления в философии Нового времени

Чтобы понять **Лейбница**, нужно понять эпоху, в которую он творил. Его мысль — это продолжение той интеллектуальной истории, которая связана с новоевропейской теорией познания. Я называю этот способ мышления «экстремальным режимом». Это философия, которая балансирует на грани безумия, но не срывается в него.

Как возник такой режим? Мы, люди современности, люди эпохи **модерна (XVII-XVIII вв.)**, принадлежим к единственной в истории картине мира, где **познание не подчинено какой-то внешней цели**. Давайте вспомним: до этого были мифологическая и монотеистическая картины мира. В обеих познание было лишь инструментом.

- В **мифологической** культуре целью было достижение определенного внутреннего состояния — будь то **агатхон** (ἀγαθόν — благо), **эвдаймония** (εὐδαιμονία — счастье) или **атараксия** (ἀταραξία — невозмутимость).
- В **теологической** (монотеистической) модели целью было спасение души, изменение себя для коммуникации с Богом.

В обоих случаях цель задавалась извне, и существовали строгие правила мышления, нормативный образ того, как следует и как не следует мыслить. Познание было ограничено этими рамками, у него был заранее заданный критерий достоверности.

«Ящик Пандоры» Рене Декарта

Всё меняется в эпоху **Модерна**. Эту интеллектуальную революцию, этот «ящик Пандоры» открывает **Рене Декарт**. Он вводит фундаментальное для всей последующей философии понятие — *cognitio intuitiva* (интуитивное познание). Суть его в том, что критерий достоверности больше не ищется вовне (в священных текстах или традициях), а находится внутри самого процесса мышления. Познание становится самодостаточным и нерегулируемым.

Знаменитое «мыслю, следовательно, существую» (*cogito ergo sum*) — идеальный пример. Декарт совершает переход:

1. Существует **факт мышления** (я мыслю).
2. Из этого факта следует существование **носителя мышления** — мыслящей **субстанции**.

Для **Декарта** этот переход был абсолютно самоочевиден, интуитивно достоверен. И многие до сих пор воспринимают его так же.

Ответ эмпириков: из чего состоит наш опыт?

Однако именно этот «самоочевидный» шаг и был подвергнут сомнению эмпириками — **Джоном Локком, Джорджем Беркли и Дэвидом Юмом**. Они заявили: «А вы уверены, что этот переход самоочевиден? Мы — нет».

С точки зрения эмпиризма, единственное, что для нас действительно очевидно — это не существование мыслящей субстанции, а сам **факт ощущения или впечатления**. Я вижу оранжевую рубашку. Может, у меня дальтонизм, и она на самом деле другого цвета.

Может, это вообще мираж. Но я не могу сомневаться в том, что я *ощущаю* оранжевый цвет.

Таким образом, эмпирики отвергают понятие субстанции как ненужное допущение. Для них фундаментальным «кирпичиком» реальности становится отдельное впечатление. А вся реальность — это созданный **Юмом** новый теоретический объект: **поле опыта / восприятия**, состоящее из этих «атомарных» фактов-впечатлений. Человек, мир, причинно-следственные связи — всё это лишь конструкции, которые мы собираем из этих кирпичиков.

«Шум дождя»: что такое «восприятие»?

Вот здесь в игру вступает **Лейбниц**. Он не спорит с эмпириками, а задает им один-единственный, но разрушительный вопрос: «**Что такое впечатление / восприятие?**».

Чтобы показать проблему, **Лейбниц** приводит знаменитый пример с шумом морских волн. В нашей адаптированной учебной версии – шум дождя. Рассуждение строится следующим образом:

1. Слышим ли мы падение одной-единственной капли? Нет. Ее звук для нашего слуха равен нулю.
2. Дождь состоит из множества отдельных капель.
3. Сумма множества нулей должна быть равна нулю.
4. Следовательно, мы не должны слышать шум дождя.

Но мы его слышим! Возникает парадокс: логический вывод, основанный на эмпирическом представлении об опыте как сумме отдельных впечатлений, противоречит самому опыту.

Апперцепция и перцепция: рождение бессознательного

Этот парадокс **Лейбниц** решает, вводя два уровня восприятия. Основные философские сочинения он писал по-французски, поэтому использовал французские термины:

- **Perception** (перцепция) или *petites perceptions* (малые восприятия). Это те самые отдельные, мельчайшие впечатления (звук одной капли), которые существуют, но находятся ниже порога нашего сознания. Мы их воспринимаем, но бессознательно.
- **Apperception** (апперцепция). Это уже сознательное восприятие (шум дождя). Оно возникает тогда, когда сумма «малых восприятий» преодолевает определенный **порог восприятия**.

Это поразительная идея, которая предвосхитила современную нейробиологию. Сегодня мы знаем, что для того, чтобы нейрон «выстрелил» и передал сигнал, в нем должен накопиться определенный электрический потенциал. Одно малое воздействие его не активирует, но сумма многих — да. Лейбниц, не зная ничего о нейронах, описал тот же самый принцип.

Таким образом, мы приходим к парадоксальной формуле: **мы слышим каплю, которую не слышим**. Мы слышим ее как часть целого (в апперцепции), но не осознаем ее как отдельный элемент (она остается на уровне перцепции).

«Расширение» объекта исследования: наследие Лейбница

Что же сделал **Лейбниц**? Он не опроверг эмпиризм. Он сыграл с эмпириками в их же игру и победил, но не уничтожив их позицию, а **расширив** ее. Если эмпирики работали *внутри* поля восприятия, конструируя из кирпичиков-впечатлений мир, то Лейбниц обратил внимание на самую *границу* этого поля — на порог между сознательным и бессознательным.

Он показал, что поле опыта — это не просто статичный набор фактов. Это динамическая структура, имеющая границу, и за этой границей существует нечто — малые, **бессознательные** восприятия (**перцепции**). Таким образом, **Лейбниц** вводит в философию Нового времени новый, фундаментальный теоретический объект — **бессознательное**. Он не просто продолжает логику эмпиризма, он расширяет сам предмет их исследования, открывая дорогу для совершенно новых философских вопросов.

Мы больше не можем исходить из простой схемы «человек в мире», потому что сам этот «человек» и его «мир» оказываются лишь частью более сложного процесса, происходящего на границе сознательного и бессознательного. Мы оказались на неизведанной территории — *terra incognita*, — где нам только предстоит понять, что такое сознание, кто мы такие и сколько нас. И монстры, которые прячутся на этой территории, могут быть куда страшнее, чем казалось на первый взгляд.

Подвижная граница: От шума крови до нейтральной зоны

Итак, **Лейбниц** разделяет наше восприятие на два уровня:

1. **Апперцепция** (*apperception*) — это сознательное, ясное и отчетливое восприятие, которое находится в фокусе нашего внимания. Это то, о чем мы можем сказать: «Я это вижу», «Я это слышу».
2. **Перцепция** (*perception*) — это «малые восприятия», бессознательные или смутные впечатления, которые находятся за порогом нашего сознания. Они существуют, влияют на нас, но мы не отдаем себе в них отчета.

Эти два уровня разделены подвижной и вариативной границей. То, что вчера было бессознательным, сегодня может стать сознательным, и наоборот.

Представьте, что вы используете беруши, чтобы избавиться от внешнего шума. С одной стороны, они блокируют звуки извне. Но с другой — вы вдруг начинаете слышать то, чего не слышали раньше: собственное сердцебиение, шум крови в венах. Это прекрасный пример того, как работает граница восприятия. Ослабив поток одних впечатлений, мы позволили другим, ранее бессознательным «малым восприятиям», пересечь границу и войти в поле нашего сознания, в область **апперцепции**.

Таким образом, между сознательным и бессознательным существует своего рода **«нейтральная зона»**. В этой зоне перцепции могут становиться апперцепциями, и наоборот. Эта подвижность — ключевое свойство нашего восприятия. Например, находясь в шумной комнате, мы не различаем отдельные голоса (это фон, перцепция), но стоит кому-то произнести наше имя, как мы тут же выхватываем его из общего гула, и оно становится объектом сознательного внимания (апперцепцией). Мы бы не смогли этого сделать, если бы бессознательно не воспринимали весь звуковой поток до этого.

Этот же принцип объясняет парадокс, о котором шла речь выше: мы слышим шум дождя (апперцепция), но не слышим звук падения отдельной капли (перцепция). Однако шум дождя и состоит из звуков этих отдельных капель. Получается, мы воспринимаем целое, состоящее из невоспринимаемых нами частей. Это возможно только потому, что «малые восприятия» от каждой капли существуют на бессознательном уровне и, суммируясь, пересекают порог нашего сознания.

Парадокс «блэкаута»: Необходимость разрыва для непрерывности

Теперь рассмотрим еще более сложный случай — то, что можно назвать **«блэкаутом»**, или полным отключением сознательного восприятия. Самый частый пример — засыпание. Вспомните: у вас есть последнее впечатление перед сном («темно, я устал») и первое впечатление после пробуждения («светло, я бодр»). Но самого момента засыпания в вашем опыте нет. Это провал, разрыв.

Для эмпиризма в духе **Дэвида Юма** это настоящая проблема. **Юм** утверждал, что наш разум связывает впечатления в непрерывную цепь с помощью **принципа ассоциации**. Например, мы видим, как один бильярдный шар катится, касается второго (впечатление 1), а затем второй шар начинает катиться (впечатление 2). Разум создает между ними причинно-следственную связь, чтобы обеспечить непрерывность опыта.

Но здесь принцип ассоциации сталкивается с парадоксом. Чтобы он сработал и создал конструкцию «я заснул и проснулся», ему необходимо допустить существование момента, когда он сам не работал — отключался вместе с восприятием. Получается парадоксальная формула: **чтобы обеспечить непрерывность восприятия, необходимо ввести в него разрыв**. Я связываю впечатления за счет отсутствия связи между ними.

Это указывает на то, что наше поле восприятия для самоподдержания создает сложные конструкции, которые выходят за рамки простого соединения впечатлений. Оно моделирует собственное отключение, чтобы сохранить стабильность нашего «Я» и мира.

От стола к часам: Что скрывается за поверхностью впечатлений?

Эмпирики, такие как **Юм**, утверждали, что «стол» — это не более чем совокупность его свойств: он деревянный, круглый, гладкий, черный. Самой субстанции «стола», которая бы объединяла эти свойства, не существует, ведь мы ее не воспринимаем.

Лейбниц предлагает взглянуть на эту проблему под другим углом, используя аналогию с часами. Когда мы смотрим на часы, мы видим циферблат и стрелки — это их внешняя, «искусственная прозрачность», как говорит **Лейбниц**, «фантом». Но реальность часов —

это сложный внутренний механизм из шестеренок, пружин и маятника, который мы не видим.

Так вот, **Лейбниц** предлагает нам взглянуть на *любой* объект, включая стол, как на подобный механизм. То, что мы считаем простым впечатлением, например, «деревянный», на самом деле само является сложной совокупностью других, более мелких впечатлений: текстуры, тепла, запаха и так далее. Каждое из этих свойств, в свою очередь, можно разложить дальше.

В поисках неделимого: Путь к монаде

Это приводит нас к главному вопросу: где предел этого деления? Существует ли мельчайшая, элементарная «частица» восприятия? Здесь мы сталкиваемся с двумя, казалось бы, безвыходными альтернативами:

1. **Предела нет:** Мы можем делить восприятие до бесконечности. Это приводит к дурной бесконечности и означает, что у мира нет фундаментальной основы.
2. **Предел есть:** Существует некая конечная, неделимая частица (подобно атому у античных философов). Но любая протяженная частица, даже самая малая, мысленно все равно делима.

Лейбниц находит третий путь, который и лег в основу современной физики элементарных частиц. Он утверждает, что фундаментальная единица восприятия — это объект, обладающий парадоксальным свойством: **при попытке деления он исчезает.**

Это и есть **монада**. Это не просто атом, материальная неделимая частица, а то, что **Лейбниц** называет «бесконечно малым» — концепция, которая легла в основу созданного им математического анализа. «**Монады**» — это минимальные единицы восприятия, простые элементы, и они образуют те самые «малые восприятия» (перцепции), которые находятся в бессознательной области нашего опыта. Они являются тем самым «монстром», воздействие которого на наше поле сознательного восприятия и порождает его сложную работу: **«интегральный» характер любого ощущения, вариативность границ и самоотключение.**